

Секс-символ на амбразуре

Павел Лунгин в фильме «Олигарх» продолжает исследовать загадочную русскую душу, хотя в этом и не признается

Екатерина Барабаш

Разумеется, свой новый фильм «Олигарх» Павел Лунгин показал сначала VIPу. Действо проходило в кинозале Центрального дома литераторов и привлекло не так уж много VIPа – действующих олигархов замечено не было, если не считать таковыми Михаила Лесина и Евгения Киселева. Прохаживалась пара братьев Гусманов, рассекал толпу вездесущий Ярмольник, тусовались телевизионщики разного калибра. Тем не менее в короткой приветственной речи режиссер сладко польстил собравшимся, назвав всех пришедших в определенном смысле олигархами. «Вас настолько мало, что в зале полно свободных мест, – заключил Лунгин, – и именно ваше мнение повлияет на мнение простых зрителей». Ну что ж, коль скоро автор этих строк на один вечер ввели в высокие олигархические сферы...

Павел Лунгин – режиссер серьезный. В том смысле, что снимает всегда абсолютно всерьез, без халтуры, сюжет сбивая крепко и как-то по-крестьянски основательно. Остается добавить, что так было раньше, когда сделанные на постперестроечной волне «Таксиблюз» и «Луна-парк» оказались своевременной художественной публицистикой. За «Таксиблюз» Лунгин, как известно, даже получил приз за режиссуру на Каннском фестивале. С тех пор прошло много времени. Лунгин осел во Франции, но российской действительностью интересовался весьма живо. Результатом живого интереса стала лакировочная «Свадьба» про жизнь шахтерского городка и про то, что бедность не порок, что заскоруждые шахтеры, безнадежные алкоголики и бывшие проститутки любить умеют, но при одном условии: если они русские. Миф о загадочной русской душе не давал режиссеру покоя. Следующим шагом в освоении загадочной русской души стал «Олигарх», экранизация бестселлера Юлия Дубова «Большая пайка». Прототипом главного героя, бизнесмена Платона Маковского (Владимир Машков), вероятнее всего, стали Борис Березовский и его товарищи по ЛогоВАЗу, хотя Дубов утверждает, что Платон – образ собирательный. Впрочем, это не так принципиально. Сама по себе история превращения молодых математиков-интеллектуалов в воротил и магнатов, безусловно, интересна. По сути, это история новой России.

Группка друзей, во главе которых – Платон Маковский, финансовый гений, а заодно красавчик, немножко гусар, любитель чужих жен и водки из горла, и есть те самые люди, которые сделали Россию такой, какой мы сейчас ее видим. Еще более интересной могла бы стать тема обретения денег: чем туже набиты карманы, тем скуднее любовь, чем больше нулей в сумме счета в швейцарском банке, тем меньше друзей. Да и не остается никого из друзей, с кем когда-то, пятнадцать лет назад, начинали свой копеечный перестроечный бизнес: писали чужие диссертации, варили джинсы, вязали венники. Все пали жертвами прожорливого золотого тельца. Один Платон уцелел (если не считать друга-предателя), да и то – почти виртуально: для всех – погреб, похоронили, могила даже есть. И вот сидит он, сломленный Кремлем и ФСБ, на собственной могиле, пьет водку из горла. Идти некуда, кто умер, кто предал, в Кремле – бандиты, в ФСБ – убийцы. А тут еще милицкий патруль по кладбищу проезжает: чего тут сидишь? Да вот, на собственной могиле водку пью. А те его – хрясь, хрясь – и дубинкой до полусмерти. За то, как объяснили, что похож. В смысле – на

того, кто на надгробной плите. Вот классовая ненависть и до ночного кладбища докатилась. Хорошая была бы концовка. Но Павел Лунгин и Александр Бородинский, видно, страдают общей и плохо поддающейся лечению хворью наших кинематографистов – остановиться вовремя не умеют. Настрадавшийся Платон, избитый, преданный, загнанный в угол, которого зритель уже готов всем сердцем полюбить всей своей загадочной русской душой, вдруг устремляется к шоссе, где разворачивает в обратную сторону встретившийся на пути кортеж «Мерседесов», плюхнувшись в один из них. «В Москву», – коротко бросает он. Тут хочется голоса Копеляна за кадром: «Штирлиц возвращался в Берлин. Он ехал работать». Но Штирлицу из русской народной сказки было позволительно и не такое. Русскому же олигарху лучше быть не там, где на него покушаются с завидным постоянством. Но нет, решает Лунгин, фиг тому, кто думает, что олигарх – он и в Африке олигарх. Наш, российский воротила – классный парень со сложной, но в целом чистой душой и, как всякий русский, любит кидаться на амбразуру. Честно говоря, вообще сомнительно, что есть концептуальные любители ки-

даться на амбразуру, а если даже и есть, то процент олигархов среди них наверняка ничтожен. Одним словом, опять режиссера потянуло на кисленькое – урожай клюквы в фильме знатный. Кстати, в романе Юлия Дубова и концовка другая, и акценты совершенно иные. Впрочем, об этом «НГ» уже писала (см. «НГ» от 09.08.02).

Выбор Владимира Машкова на главную роль понятен – он, как нынче любят выражаться, харизматичен. И секс-символ, разумеется (господи, и кто их только назначает этими символами?). А значит, полюбит зритель и главного героя, которого, как уверен режиссер, не полюбить нельзя. Логика Лунгина такая: «Вот у нас почему-то думают, что если богатый – значит, обязательно плохой. Я хотел показать, что это не так». Хочется ответить контрлогикой: «Вот Лунгин почему-то думает, что если богатый – то обязательно хороший, сложный и несчастный. Вряд ли это всегда так». Харизматичный и сексуальный Машков, с некоторой ленцой вспоминая систему Станиславского, на протяжении всего фильма (кроме начала, где все молодые и по-козлиному восторженные) играет значительность. Синеватая небритость, пробивающаяся седина, взгляд исподлобья и заиндевшая мимика – вот, пожалуй, и все, что нужно настоящему олигарху. И еще обязательно присутствующий во время всякой трапезы ананас на столе. Эй, кто хорошо знаком с бытом олигархов? Они обязательно ананасы едят? Если еще и рябчиков жуют – совсем плохо их дело.

В оправдание Машкова заметим, что его окружение играет еще хуже. Бледные тени, друзья жизни и заклятые враги, с тихим шелестом проносятся по экрану за главным героем, заштампованные по самую макушку. Злобный кремлевский бандит Корецкий (Александр Балуев) лишний раз напоминает, что злодей должен быть всегда мрачен; провинциальный следователь, ведущий дело об убийстве Платона (Андрей Краско, кстати, и Левани Учанеишвили, играющий ближайшего соратника героя, – самые живые персонажи), непременно честен, имеет внешность Акакия Акакиевича и душу Данко.

Вот так – понадеялся Лунгин на машковскую харизматичность, и опять исследование русской души в тупик зашло. Может, на этом и остановиться известному исследователю? ■

Владимир Машков вполне харизматичен даже с бородой.
Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)